

ИНСТИТУТ НЕПЛАТЁЖЕСПОСОБНОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БАЛАНСА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ СТОРОН

Рузимова Рузанна Махмуджан кызы

Магистрант ТГЮУ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20093398>

Аннотация. В тезисах рассматриваются проблемы становления института неплатёжеспособности физических лиц в Республике Узбекистан, введённого Законом от 12 апреля 2022 года № ЗРУ–763 «О неплатёжеспособности» (глава 14 которого вступила в силу с 1 января 2023 года). На основе нормативных и статистических данных выявляются ключевые сложности правоприменения, связанные с обеспечением баланса имущественных интересов должника и кредиторов.

Ключевые слова: неплатёжеспособность, банкротство физического лица, защита прав кредиторов, закредитованность населения, ликвидационная масса, единственное жильё, судебный управляющий.

1. Постановка проблемы и нормативный контекст

Признание физического лица неплатёжеспособным – принципиально новый для отечественного правового института. До 2022 года Закон Республики Узбекистан от 5 мая 1994 года «О банкротстве» распространял своё действие лишь на юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и физических лиц, утративших такой статус. Закон Республики Узбекистан от 12 апреля 2022 года № ЗРУ–763 «О неплатёжеспособности» (далее – Закон) впервые в национальной истории распространил процедуры неплатёжеспособности на собственно физических лиц, не осуществляющих предпринимательскую деятельность. Соответствующая глава 14 Закона вступила в силу 1 января 2023 года; правоприменительная практика находится в стадии становления. Дополнительно Законом от 21 февраля 2024 года № ЗРУ–911 в Гражданский кодекс введена статья 26¹, корреспондирующие изменения внесены в Уголовный кодекс (статьи о фиктивной, сокрытой и преднамеренной неплатёжеспособности) и в Кодекс об административной ответственности.

В качестве признака неплатёжеспособности физического лица Закон закрепляет сумму задолженности не менее 200-кратного размера базовой расчётной величины (БРВ) при неисполнении обязательств в течение трёх месяцев. С учётом действовавшего размера БРВ (375 000 сумов в 2024 году, 412 000 сумов в 2025 году) минимальный порог обращения составляет от 75 до 82,4 млн сумов, что эквивалентно примерно 5 800 – 6 300 долларам США. Заявителем уплачивается на специальный депозит сумма, равная семикратному размеру минимального размера оплаты труда, направляемая на оплату работы судебного управляющего.

2. Статистический и социально-экономический контекст

Введение института неплатёжеспособности физических лиц происходит на фоне устойчивого роста долговой нагрузки населения. По данным Центрального банка Республики Узбекистан, банковская система на февраль 2024 года включала 35 коммерческих банков; по состоянию на первое полугодие 2023 года показатель долговой нагрузки заёмщиков по автокредитам в среднем достигал 69 процентов, по ипотеке – 46 процентов от месячного дохода. С 1 июля 2024 года Центральный банк

ограничил предельный показатель долговой нагрузки уровнем 60 процентов, распространив требование на все виды кредитов и микрозаймов (ранее 50 процентов и только в отношении микрозаймов). Это косвенно подтверждает наличие массовой избыточной закредитованности, для разрешения которой институт неплатёжеспособности физических лиц и предназначен.

Возрастает и общая нагрузка на экономические суды: если в 2017 году ими было рассмотрено около 347,4 тысячи дел, то в 2025 году – уже порядка 690,8 тысячи (рост примерно вдвое); сумма взысканий в пользу истцов в 2025 году составила около 27,7 трлн сумов. Вместе с тем количество поданных заявлений о неплатёжеспособности физических лиц остаётся, по сравнению с зарубежными правовыми порядками, крайне ограниченным: первые публично известные дела зафиксированы в Ташкентском межрайонном экономическом суде, в Уртачирчикском межрайонном экономическом суде Ташкентской области и в Тайлакском районном суде в апреле – июне 2024 года – то есть спустя более полутора лет после вступления в силу главы 14 Закона. Сводная официальная статистика по делам этой категории на регулярной основе пока не публикуется.

3. Основные проблемы правоприменения

3.1. Имущественный порог обращения. Привязка минимального размера задолженности к 200-кратной БРВ создаёт ситуацию, при которой социально уязвимые должники с относительно небольшим, но непосильным для них долгом (микрокредиты, потребительские займы) формально не имеют права на обращение в суд. С учётом средней заработной платы на уровне около 387 долларов США в 2024 году требуемый порог соответствует от 16 до 18 средних месячных заработков, что существенно ограничивает доступ к процедуре.

3.2. Дефицит судебной практики и единообразных подходов. Глава 14 Закона действует с 1 января 2023 года, тогда как первые судебные заявления приняты к производству лишь в 2024 году. Постановления Пленума Верховного суда Республики Узбекистан, разъясняющие особенности рассмотрения дел о неплатёжеспособности физических лиц, на момент подготовки настоящих тезисов отсутствуют. Это порождает разнородную трактовку признаков временной и постоянной неплатёжеспособности, состава имущества, не включаемого в ликвидационную массу (ст. 230 Закона), оснований отказа в освобождении от долгов и других ключевых вопросов.

3.3. Кадровый дефицит судебных управляющих. Глава 2 Закона возлагает на судебного управляющего значительный объём полномочий, в том числе по выявлению имущества должника, оспариванию сделок, формированию и реализации ликвидационной массы. Между тем рынок судебных управляющих, специализирующихся на делах физических лиц, в Узбекистане только формируется; общественные объединения судебных управляющих (ст. 24 Закона) ещё не достигли той степени развития, которая характерна для смежных юрисдикций.

3.4. Проблема единственного жилья и имущественного иммунитета. В соответствии со статьёй 230 Закона в ликвидационную массу не включается имущество, на которое не может быть обращено взыскание по законодательству об исполнении судебных актов, а также единственное жильё должника, не являющееся предметом залога. На практике возникает ряд вопросов: о судьбе доли в общей собственности

супругов, о соотношении площади жилья и числа проживающих, о применении правила «единственного жилья» к недвижимости, приобретённой непосредственно перед обращением в суд. В отсутствие выработанных критериев усложняется как защита имущественных прав должника, так и формирование ликвидационной массы в интересах кредиторов.

3.5. Отсутствие внесудебной процедуры. Закон предусматривает исключительно судебный порядок признания физического лица неплатёжеспособным. Аналог упрощённой внесудебной процедуры (получившей широкое распространение в ряде сопредельных право порядков) для социально уязвимых категорий граждан с минимальной задолженностью отсутствует. Это приводит к тому, что лица с малыми, но безнадёжными долгами не имеют доступного механизма освобождения от обязательств, а кредитная нагрузка на эту категорию остаётся фактически бессрочной.

3.6. Трансграничный (миграционный) аспект. По данным Центрального банка России, объём денежных переводов в Узбекистан в 2024 году достиг 11,5 млрд долларов США; численность граждан Узбекистана, временно работающих за рубежом, составила около 1,14 млн человек. Значительная часть кредитных обязательств обслуживается из доходов трудовой миграции, и имущество таких должников нередко находится в нескольких юрисдикциях. Закон о неплатёжеспособности не содержит специальной главы о трансграничной неплатёжеспособности, не воспринят Типовой закон ЮНСИТРАЛ; механизмы признания иностранных производств и взаимодействия с управляющими других государств в национальном праве не урегулированы.

3.7. Правовой статус банкрота-физлица и положение поручителей. Согласно изменениям, внесённым Законом № ЗРУ-911 от 21 февраля 2024 года, в Гражданский кодекс введены положения о неплатёжеспособности физического лица (статья 26¹). Однако объём правовых последствий для гражданина, признанного неплатёжеспособным, в национальном праве описан фрагментарно: вопросы повторного обращения, информирования контрагентов, ограничения занятия определёнными должностями, ведения публичного реестра банкротов-физических лиц, а также соотношение со статьёй 31 ГК (ограничение дееспособности) требуют дополнительной систематизации. Освобождение должника от долгов по итогам ликвидационной процедуры не прекращает обязательств поручителей и созаёмщиков, что во многих случаях переносит экономическую тяжесть на ближайший круг семьи; отдельного регулирования регрессных отношений Закон не содержит.

3.8. Информационная асимметрия и низкая правовая осведомлённость. Данные открытых источников показывают, что инициатива в большинстве дел о неплатёжеспособности физических лиц принадлежит должникам, действующим через специализированные юридические компании. Инструменты массового информирования населения о процедуре, её последствиях и ограничениях развиты недостаточно, а порог обращения, привязанный к 200 БРВ, ежегодно изменяется вместе с индексацией базовой расчётной величины – на фоне инфляции, замедлившейся в 2025 году с 9,8 до 7,3 процента, но остающейся ощутимой. Это создаёт риски как недобросовестного поведения должника (искусственное создание задолженности), так и недостаточной защищённости его прав от давления кредиторов до возбуждения дела.

4. Заключение

Институт неплатёжеспособности физических лиц находится в Республике Узбекистан в начальной фазе становления. Его законодательная конструкция в целом следует мировым подходам, однако правоприменение испытывает системные затруднения: высокий имущественный порог, дефицит судебной практики, кадровые ограничения, неурегулированность статуса единственного жилья, отсутствие внесудебной процедуры, неразвитость трансграничных механизмов, фрагментарность регулирования правового статуса гражданина-банкрота и положения поручителей, информационная асимметрия и инфляционная зависимость порога обращения. Перечисленные обстоятельства непосредственно влияют на качество защиты имущественных прав обеих сторон – как должника, заинтересованного в финансовом восстановлении и сохранении социально значимого имущества, так и кредиторов, ожидающих соразмерного и предсказуемого удовлетворения требований за счёт ликвидационной массы. Дальнейшее научное и эмпирическое осмысление этих проблем, а также мониторинг формирующейся практики экономических судов представляются необходимым условием для оценки эффективности новой главы Закона о неплатёжеспособности.

